

Изъ прошлаго.

Начало декабря 1894 года ознаменовалось для Варшавы и царства Польскаго крупнымъ событіемъ: генераль Гурко оставилъ постъ варшавскаго генераль-губернатора и командующаго войсками варшавскаго военнаго округа.— Иосифъ Владиміровичъ болѣлъ уже давно; несокрушимое, казалось, здоровье не выдержало тягостей тѣхъ испытаній, которыя ему пришлось перенести, начиная еще съ перваго забалканскаго похода, зимняго перехода черезъ эти горы, временнаго бездѣйствія, послѣдовавшаго послѣ войны и, наконецъ, 11-ти лѣтняго управленія краемъ бывшаго царства Польскаго. Уже 6-го декабря г. Гурко, въ отвѣтъ на принесенное Государю Императору телеграфное поздравленіе по случаю тезоименитства Его Величества, получилъ слѣдующую телеграмму: „Генераль-фельдмаршалу Гурко. Сердечно благодарю васъ и войска варшавскаго военнаго округа за принесенныя Мнѣ поздравленія и благопожеланія. Признавая важность заслугъ, оказанныхъ вами Престолу и Отечеству, глубоко сожалѣю, что здоровье не позволяетъ вамъ продолжать полезную дѣятельность. Николай“.

Телеграмма эта подтвердила ходившіе уже ранѣе слухи о возведеніи Иосифа Владиміровича въ фельдмаршальское званіе.— 6 декабря, послѣ торжественнаго богослуженія въ варшавскомъ кафедральномъ соборѣ, всѣ военные чины и многіе изъ гражданскихъ лицъ, по собственному почину, отправились въ королевскій замокъ, чтобы принести Г. Вл. поздравленія съ высокою Царскою милостью. Отъ лица военныхъ фельдмаршала поздравилъ помощникъ командующаго войсками генераль Н. Я. Звѣревъ. Когда умолкло громкое

и единодушное ура, Гурко обратился ко всѣмъ присутствовавшимъ со слѣдующими словами:

„Благодарю васъ, господа, за ваши поздравленія. Всемилостивѣйше пожалованная награда мнѣ въ особенности дорога, такъ какъ, возведя меня—единственнаго уцѣлѣвшаго изъ начальниковъ отрядовъ послѣдней кампаніи ¹⁾ въ высшее военное званіе, нашъ молодой Государь показалъ, поскольку онъ цѣнитъ труды своихъ подданныхъ на полѣ брани, и тѣмъ несомнѣнно придавъ русскому воинству новыя силы для беззавѣтно преданной службы Царю и Отечеству. Для меня же лично, господа, эта награда является въ грустномъ обликѣ, такъ какъ неразрывно связана съ окончательной разлукой, еще живо, со всѣмъ тѣмъ, что составляло единственную цѣль моей жизни—заботами объ охранѣ чести и неприкосновенности моей родины; кромѣ того, оно соединено съ разлукой и съ вами, господа. Стоя болѣе 11 лѣтъ во главѣ войскъ варшавскаго военнаго округа, я, въ мѣрѣ моего разумнія, старался развить въ нихъ боевую готовность. Всю душу свою вложилъ я въ дѣло боевого воспитанія арміи, посвятилъ на это всѣ свои силы, стремясь создать изъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ несокрушимый оплотъ чести Россіи. Мечталъ я, что еще буду служить съ войсками округа—но силы измѣнили, и я расстаюсь съ вами. Благодарю васъ, господа, за то вниманіе, съ какимъ вы всегда относились къ моимъ указаніямъ и требованіямъ; былъ я строгій, взыскательный начальникъ, не легки были поставленныя мною задачи, не легко было и ихъ исполненіе. Еще разъ благодарю васъ. Служите молодому Государю такъ же, какъ служили покойному Царю, и труды ваши будутъ оцѣнены. Да будетъ вашею цѣлью то, чему, повторяю, посвятилъ я все свое разумніе, всѣ свои силы—боевая готовность войскъ,—и на склонѣ дней своихъ будете и вы столь милостиво награждены, какъ я награжденъ“.

Грустно было всѣмъ присутствовавшимъ слушать прощальную рѣчь любимаго начальника, грустно было смотрѣть настолько измѣнившаго физически, исхудалаго фельдмаршала. Слабый физически, съ трудомъ стоя во время этой рѣчи, Г. Вл. былъ еще такъ силенъ духомъ, что рѣчь его, произнесенная съ большой сердечностью, все же дышала прежней энергіей и духовной силой. Г. Вл. всегда говорилъ кратко, образно, съ оттѣнкомъ рѣшительности, ему всегда присущей, которую нѣкоторые принимали за рѣзкость. Когда голосъ этотъ въ военное время раздавался на Балканахъ или на поляхъ

¹⁾ Радецкій, Зотовъ, бар. Криденеръ, Циммерманъ,

и холмахъ за р. Видъ послѣ 30-го и 31-го августа (третья Шлевна) и Горнаго Дубняка, многіе трепетали; одни—по заслугамъ, другіе—по привычкѣ, а самъ добрѣйшій І. Вл., замѣчая это, добродушнѣйшимъ образомъ улыбался, говоря: „я не виноватъ, что у меня такія басовыя ноты въ голосѣ“.

Но возвратимся къ событіямъ. Прослушавъ вышеприведенную рѣчь, у многихъ слушателей были слезы на глазахъ.—Чувствовалось, что что-то кончилось, что-то порвалось...

Все русское общество, въ большей или меньшей степени, чувствовало ту же слезу.

Поляки радовались уходу генерала Гурко, радовались и не скрывали этого настроенія, совершенно забывая, что за одиннадцать лѣтъ управленія краемъ, несмотря на массу отдѣльных эпизодовъ и демонстрацій политическаго свойства, генераль Гурко не пользовался своими обширными полномочіями и даже *отказался отъ распространенія на польскія губерніи положенія усиленной охраны*. Насколько снисходительно относился г. Гурко къ разнымъ выходкамъ, можно судить потому, что когда за нѣсколько лѣтъ до его ухода изъ Варшавы предполагалось увольненіе изъ университета группы студентовъ за устроенную ими манифестацію въ столѣтнюю годовщину конституціи 3-го мая, то генераль Гурко самъ явился ходатаемъ передъ учебнымъ вѣдомствомъ относительно оставленія манифестантовъ въ университетѣ. Враги генерала Гурко называли его *mangeur des polonais* (пожиратель поляковъ) что совершенно не соответствовало истинѣ. Этотъ „пожиратель“ долго и упорно воевалъ съ министерствомъ народнаго просвѣщенія (!), которое желало отнять у ксендзовъ право преподаванія Закона Божія католикамъ, ученикамъ школъ, передавъ его учителямъ - чиновникамъ. Этотъ „пожиратель“ выдвигалъ на первый планъ негуманность подобной мѣры и тогда, когда этотъ аргументъ не одолѣлъ, выдвинулъ другой, доказывая непрактичность задуманной мѣры и поясняя, что она приведетъ только къ одному: къ тайному преподаванію, всегда нежелательному, по невозможности контроля. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что у поляковъ не могло быть поводовъ къ личнымъ неудовольствіямъ въ отношеніи главнаго начальника края, и если его отставка, вынужденная болѣзью, является для нихъ радостнымъ событіемъ, то причины кроются, конечно, не въ личности, а въ системѣ его управленія. Забываютъ одно: во-первыхъ, г. Гурко являлся выразителемъ того направленія, которое за тринадцать лѣтъ минувшаго царствованія господствовало въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, а съ другой стороны, общая точка зрѣнія русскаго общества на польскій вопросъ была въ то время такова, что она

являлась противодѣйствіемъ къ возобновленіямъ попытокъ управленія западными окраинами по системѣ Потапова и Альбединскаго. Г. Гурко былъ очень рѣшителенъ, но тогда, когда онъ видѣлъ въ результатѣ рѣшительной мѣры—благо. Въ одномъ изъ фабричныхъ центровъ царства Польскаго произошли большіе беспорядки рабочихъ; многочисленныя толпы буйствовали; у нихъ появилось и оружіе. Для водворенія порядка былъ посланъ помощникъ генералъ-губернатора баронъ Медемъ, но изъ его донесеній видно было, что ему не справиться, хотя ему и дано было право вызвать войска; требовалась нравственная поддержка, и вотъ, генералъ Гурко шлетъ барону открытую (не шифрованную) телеграмму: „къ вечеру возстановить порядокъ. Патроновъ не жалѣть“. Телеграмма была послана утромъ, а еще съ вечера бар. Медемъ былъ предупрежденъ, чтобы содержаніе ея не только не скрывать, а наоборотъ, постараться способствовать ея распространенію до употребленія оружія. Содержаніе телеграммы стало быстро извѣстно рабочимъ; ряды ихъ порѣдѣли и поплавились ранеными только упорствующіе.

Проводить генерала Гурко, уѣзжавшаго за границу, собралось на Вѣнскій вокзалъ масса публики—русской. На платформѣ была давка. Изъ поляковъ пріѣхали только камергеръ Карницкій съ женой и дочерью. Никто изъ остальныхъ поляковъ, носившихъ придворные мундиры, не рѣшился быть на проводахъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и получили придворное званіе, благодаря представленію Іосифа Владиміровича.

Неизвѣстный поэтъ, бывшій въ замкѣ на прощаньи съ г. Гурко, написалъ слѣдующіе стихи, ходившіе по рукамъ лицъ русскаго общества, цѣнителей и почтителей Іосифа Владиміровича.

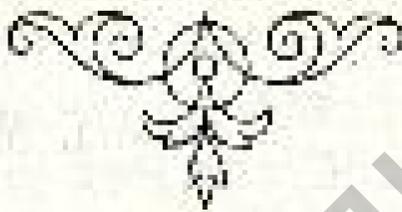
ДВА ЖЕЗЛА.

Я на концертѣ былъ. Капельмейстеръ престарѣлый
 Прощался съ публикой. Ужъ много лѣтъ подъ рядъ
 Смычекъ талантливый, въ рукѣ его умѣлой,
 Въ восторженныхъ сердцахъ будилъ и рай и адъ.
 Ликують авторы, въ безсмертныя творенья
 Которыхъ онъ всегда тепло и жизнь вдыхалъ,
 И дирижерскій жезлъ, какъ чувства выраженье,
 Съ аплодисментами ему подноситъ полный залъ.
 Растроганный старикъ благодаритъ всѣхъ слезно
 За ласку и привѣтъ, въ теченье долгихъ лѣтъ,
 Но по глазамъ его читается: ужъ поздно!
 Къ чему мнѣ жезлъ, когда оркестра нѣтъ.

* * *

Я вспомнилъ этотъ жезлъ вчера, при разставаньи
Съ сановникомъ однимъ; онъ боленъ, старъ и хилъ:
Жезлъ маршальскій, какъ высшій знакъ признанья
Его заслугъ, онъ также получилъ.
Растроганный, въ слезахъ онъ съ нами разставался,
Даривъ сподвижникамъ на память свой портретъ.
А на лицѣ его наглядно выражался
Вопросъ: къ чему мнѣ жезлъ, когда ужъ власти нѣтъ.

П. Паренсовъ.

Научная библиотека ТвГУ

Изъ прошлаго.

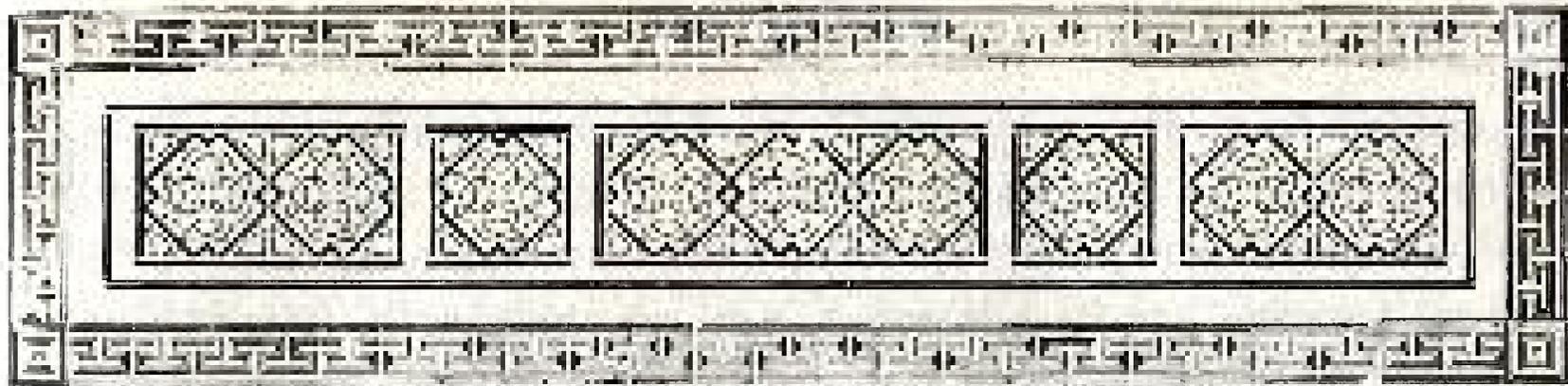

Фельмаршала Гурко многіе считали суровымъ начальникомъ, тогда какъ въ дѣйствительности это былъ добрѣйшій, сердечный, отзывчивый человѣкъ, правда весьма требовательный по службѣ. Суровость если и была, то внѣшняя, выражавшаяся преимущественно въ голосѣ, въ которомъ иногда бывало, какъ выражался самъ Іосифъ Владимировичъ, преобладаніе „басовыхъ нотъ“. Къ этому надо прибавить и характерную краткость рѣчи, при замѣчаніяхъ по службѣ. Пишущему эти строки памятенъ одинъ случай не крупный, но характерный.

На одномъ изъ объѣздовъ полковъ по окончаніи маневра, заключившаго спеціальныи кавалерійскій сборъ, г. Гурко замѣтилъ очень малое число офицеровъ во фронтѣ и спросилъ о причинахъ. Объясненія начальника дивизіи были слабы: болѣзнь, отпуска и т. д. Г. Гурко ограничился краткой замѣткой; не возвышая голоса, скорѣе понизивъ его, съ замѣтнымъ преобладаніемъ басовыхъ нотъ, онъ сказалъ: „а 20-го числа всѣ на лицо“?...

П. Паренсовъ.

Изъ прошлаго.

Говоря о фельдмаршалѣ І. Вл. Гурко, нельзя обойти молчаніемъ самаго выдающагося его помощника, какъ въ боевое, такъ и въ мирное время, генерала Нагловскаго. О Дмитріи Станиславовичѣ Нагловскомъ, этомъ огромномъ военномъ талантѣ, блестящемъ представителѣ нашего генеральнаго штаба и замѣчательномъ человѣкѣ я говорилъ въ первой моей книгѣ „Изъ прошлаго“¹⁾, а кромѣ того, подробнѣе написалъ о немъ въ отдѣльной брошюрѣ, изданной въ Варшавѣ, по случаю открытія памятника надъ его могилой, на Вольскомъ православномъ кладбищѣ, въ 16-ю годовщину сраженія при Горномъ Дубнякѣ, 12-го октября 1893 г.

Стараясь быть, въ моихъ писаніяхъ, елико возможно, безпристрастнымъ, я все же знаю, что я человѣкъ и ничто человѣческое мнѣ не чуждо, понимаю, что не могу избѣгнуть того, чего не избѣжали другіе, тоже писавшіе, но выше меня, въ своихъ трудахъ стоящіе, не избѣжали отраженія своего собственнаго я въ ими написанномъ, а потому вполне допускаю, что въ словахъ моихъ о Нагловскомъ отразилось личное мое къ нему отношеніе, преисполненное глубочайшаго почитанія и искренней привязанности; поэтому думаю, что не лишнимъ будетъ, если я освѣщу личность Д. С. Нагловскаго взглядомъ другого лица, несомнѣнно вполне безпристрастнаго.

Послѣ смерти Нагловскаго (въ ночь съ 12 на 13 января 1890 г.) у меня, разбиравшаго оставленныя имъ бумаги, остались, съ разрѣшенія вдовы его, нѣкоторыя письма генерала Гурко къ Дмитрію

¹⁾ „Изъ прошлаго“. Ч. I. „На войнѣ“. Гл. XVIII.

Станиславовичу. Каждому извѣстно, что начальники вообще относятся ревниво къ своимъ начинаніямъ и своимъ велѣніямъ; рѣдко кто обладаетъ настолько гражданскимъ мужествомъ, стоитъ такъ высоко духовно, чтобы сознаться, что въ его дѣяніи, какомъ-нибудь выдающемся успѣхѣ, подвигѣ,—играла роль, если не воля—чужая ¹⁾, то хотя бы посторонній совѣтъ, указаніе, представленіе. Углубляясь въ обсужденіе подобнаго, зауряднаго явленія, оно является конечно весьма неосновательнымъ и страннымъ, не говорю уже о непохвальности его.—Книга жизни, когда-нибудь, да откроется, и въ ней всѣ прочитаютъ какъ все было; но самому сказать: „да; сдѣлалъ. Но посовѣтовалъ мнѣ—другой. Я только уразумѣлъ, воспріялъ и рѣшился исполнить“. Сказать такъ—удѣлъ высшихъ натуръ, и къ таковымъ принадлежалъ доблестный Іосифъ Владиміровичъ Гурко, не постѣснившійся, въ своихъ письмахъ къ Нагловскому, указать на ту громадную роль, которую игралъ его начальникъ штаба въ подвигахъ отряда, предводимаго Гурко, слѣдовавшаго его велѣніямъ.

Приводимые ниже отрывки изъ писемъ Іосифа Владиміровича, устанавливая сказанное мною выше о талантахъ Д. С. Нагловскаго, покажутъ намъ и всю духовную высоту покойнаго фельдмаршала. Въ началѣ лѣта 1878 года г. Гурко—будучи не удѣлъ въ С.-Стефанѣ, получилъ извѣстіе о тяжелой болѣзни его жены и отпросился въ отпускъ, въ Петербургъ, а генералъ Нагловскій находился въ Одессѣ въ комиссіи генераль-адъютанта Глинки-Маврина, учрежденной для разсмотрѣнія счетовъ и операцій по продовольствію арміи въ теченіе минувшей войны, и между ними шла непрерывавшаяся переписка.

1) „Царское Село. 13 іюня 1878 г.

„Многоуважаемый Дмитрій Станиславовичъ. Еще разъ расстаюсь я съ вами и на этотъ разъ, вѣроятно, на долго, если не навсегда. Я, какъ вамъ должно уже быть извѣстно, получилъ 11-ти мѣсячный отпускъ съ обязательной припиской Военнаго Министра, что къ дальнѣйшему его продолженію, вѣроятно, не встрѣтится препятствій. Слѣдовательно, моя пѣсенка спѣта, но я долженъ сознаться, что перспектива долгаго, по всѣмъ вѣроятіямъ до конца дней моихъ продолжающагося бездѣйствія—меня немного пугаетъ; но что же дѣлать...

Исполнилъ я долгъ свой по мѣрѣ силъ своихъ и разумѣнія и

¹⁾ Воля, понятно, принадлежитъ тому, кто взялъ на себя рѣшеніе исполнить мысль—свою или чужую и, вмѣстѣ съ таковымъ рѣшеніемъ, принялъ на себя и отвѣтственность.

для меня этого сознанія вполне достаточно. Но вы, Дмитрій Станиславовичъ, что вы намѣрены предпринять; этотъ вопросъ меня озабочиваетъ. На ваше несчастіе были вы начальникомъ штаба у человѣка, на котораго всѣ, власть имущіе (за исключеніемъ Государя) ¹⁾ такъ враждебно смотрятъ, какъ будто онъ понесъ поражение за пораженіемъ и который, слѣдовательно, можетъ только изгадить вашу дальнѣйшую карьеру, если онъ вздумаетъ въ нее вмѣшаться. Вы человѣкъ слишкомъ способный, чтобы не стараться, во что бы то ни стало, отыскать себѣ дѣятельность, но какъ къ этому приступить, я и ума не приложу и меня мучаетъ то, что я даже и совѣтомъ не могу въ этомъ вамъ помочь. Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю обѣщаннаго вами письма, котораго, до сихъ поръ, я не получилъ.

Неужели штабъ Одесскаго округа откажетъ мнѣ въ выдачѣ предложенія на проводъ лошадей? Казна и безъ того будетъ въ барышѣ; я имѣю право на проводъ 12 лошадей, а провожу ихъ только 6; возить ихъ на свои деньги—это накладно.

Жена моя все еще очень плоха; съ большимъ трудомъ перевезъ я ее въ Царское и везти дальше, въ деревню, еще не рѣшаюсь, хотя вы должны понять, какъ мнѣ непріятно жить въ Царскомъ, изъ котораго я бы бѣжалъ безъ оглядки. Куда я переѣду на жительство, я и самъ того не знаю; по всѣмъ вѣроятіямъ въ Москву. Желалъ бы очень ѣхать на годъ за границу, но это, къ сожалѣнію, не по средствамъ. Хотя мнѣ и сохранено содержаніе, но при настоящемъ плохомъ курсѣ, этого далеко недостаточно“ ²⁾.

Странно какъ-то и горько читать, что побѣдоносный полководецъ, при едшій свои войска къ Цареграду, осиливъ Балканы, непроходимые сугробы снѣга и вьюги, осилившій непріятеля—турокъ и непріятеля—природу, нуждался въ средствахъ для заслуженнаго отдыха и возстановленія силъ“!

2) „Царское Село. 17 іюля 1878 г....—Задали же вы мнѣ задачу отвѣтить вамъ, что у насъ: миръ или война? Послѣ постыднаго мира, на который мы согласились въ Берлинѣ, миръ для насъ не можетъ и не долженъ быть продолжителенъ. Надо поправить наше финансовое положеніе и тогда, съ Богомъ, за продолженіе начатаго дѣла; объ исправленіи же ошибокъ и недостатковъ нашего военнаго

¹⁾ Прибавимъ отъ себя: и В. Кн. Николая Николаевича, который въ первое послѣ войны время, былъ тоже не у дѣлъ; даже больше.

²⁾ У Іосифа Владиміровича состоянія не было. С. Сахарово, гдѣ онъ жилъ, было скорѣе дачей, требовавшей расхода. У Іосифа Владиміровича было 4 сына.

стройка—ничего и помышлять. Дошли мы до Цареграда, чего же еще лучше; стоит только сдѣлать другіе зарядные ящики и дѣло въ шляпѣ ¹⁾. Х. сильнѣе, чѣмъ когда-либо и поэтому, помимо его инициативы, ничего въ арміи не будетъ измѣнено и опять, въ началѣ кампаніи, будемъ мы бродить въ потемкахъ, стучаться лбомъ о неспособности, коими кишитъ наша армія, и только послѣ цѣлаго ряда неудачъ, въ которыхъ армія потеряетъ большую долю увѣренности въ себя и своихъ начальниковъ, набредемъ мы на способныхъ людей, и тогда опять пойдетъ перестановка начальниковъ и частей. Но объ этомъ довольно—чтобъ гусей не раздражить; вѣдь письма то читаютъ“.

Здѣсь я позволю себѣ нѣсколько остановиться, чтобы отмѣтить замѣчательныя слова, вылившіяся съ горечью изъ устъ такого опытнаго военначальника, каковымъ былъ Г. Вл. Гурко. „Бродить въ потемкахъ, стучаться лбомъ о неспособности, коими кишитъ армія и только послѣ цѣлаго ряда неудачъ, въ которыхъ армія потеряетъ большую долю увѣренности въ себя и своихъ начальниковъ, набредемъ мы на способныхъ людей и тогда опять пойдетъ перестановка начальниковъ и частей“ ²⁾. Глубоко справедливыя, но и ужасныя слова; ужасныя тѣмъ, что съ тою же справедливостью и знаніемъ дѣла, съ какими они были сказаны въ 1878 году, они могли быть повторены и позже. Гораздо позже. Не хотѣлось бы вѣрить „року“, который исключаетъ человѣческіе: умъ, знаніе, волю, прозорливость, настойчивость; а поневолѣ повѣришь.

3) „С.-Петербургъ. 29 ноября 1878 г.—До васъ вѣроятно ужъ дошла вѣсть о наградѣ, которая какъ съ неба спала мнѣ въ день Георгіевскаго праздника ³⁾. Не могу скрыть, что она доставила мнѣ большое удовольствіе, хотя гораздо меньше того, которое она бы мнѣ доставила, тотчасъ послѣ Филиппополя. . . . .

Вамъ, моему лучшему и неизмѣнному помощнику, приношу мою душевную благодарность. Вамъ во многомъ и во многомъ Россія обязана въ нашихъ побѣдахъ, а слѣдовательно и я, въ той наградѣ, которую я за сіи побѣды, если ее не заслужилъ, то получилъ ²⁾. Государь, какъ всегда, былъ ко мнѣ очень милъ. На обѣдѣ Георгіевскихъ кавалеровъ Онъ пилъ за мое здоровье въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Какъ старый главнокомандующій и какъ твой Государь, пью за твое здоровье и благодарю тебя за ту славу, которою ты покрывалъ войска Гвардіи“ ²⁾. Такъ какъ въ эту минуту

¹⁾ Здѣсь очевидно звучитъ горькая иронія.

²⁾ Курсивъ мой.

³⁾ Генераль Гурко получилъ орденъ св. Георгія 2 ст.

между мною и Государемъ былъ наслѣдникъ, то и онъ выпилъ за мое здоровье. Шель я (на выходѣ) въ парѣ съ Радецкимъ“.

Подписано это письмо такъ: „Отъ души обнимаю васъ. Вамъ искренно и сердечно преданный“...

Остановлюсь на томъ мѣстѣ письма, гдѣ говорится о Наслѣдникѣ. Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ, благодаря несчастнымъ вліяніямъ со стороны, въ то время, не благоволилъ къ Іосифу Владиміровичу. Началось это еще за Дунаемъ, когда генераль Гурко былъ поставленъ во главѣ Западнаго отряда арміи, предназначеннаго для зимняго перехода черезъ Балканы. — Не зная или мало зная І. Вл. Гурко, слыша отъ многихъ отзывы неблагопріятные, наслѣдникъ относился къ генералу Гурко холодно. Съ другой стороны и генераль Гурко, при прямолинейности своего характера, не сдѣлалъ ни одного шага, чтобы согрѣть этотъ холодъ. Напротивъ: когда наслѣдникъ цесаревичъ, стоя во главѣ гвардейскаго корпуса, оказался въ подчиненіи у ген. Гурко, назначеннаго командующимъ войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, а также и петербургскимъ генераль-губернаторомъ, холодъ еще болѣе усилился и только во время коронаціи государя Александра III въ Москвѣ, когда, вслѣдствіе смерти генерала Альбединскаго, Іос. Влад. былъ призванъ на постъ варшавскаго генераль-губернатора и командующаго войсками Варшавскаго военнаго округа, ледъ растаялъ и состоялось искренное и сердечное сближеніе великаго государя съ подданнымъ, тоже великимъ, по величію его заслугъ передъ престоломъ и Отечествомъ.

Не получая отвѣтовъ отъ Нагловскаго, г. Гурко допускалъ возможность потери посланныхъ имъ писемъ, а потому, 14 декабря 1878 г., повторилъ уже помѣщенное мною выше, дополнивъ нѣкоторыми подробностями.

4) „С. Сахарово (Тверской губ.). 14 декабря 1878 г.

.....
„Я никогда не сомнѣвался въ томъ, что награжденіе меня Георгіемъ 2-й степени доставитъ вамъ величайшее удовольствіе. Дѣйствительно Царь меня жалуетъ, но за то..... Х. меня сильно не жалуетъ. Возьмите хоть съ этимъ Георгіемъ. До сихъ поръ я не только рескрипта, но даже самого ордена не получилъ ¹⁾; вѣдь иной можетъ подумать, что я или совралъ или обслушался, и что никогда

¹⁾ Дѣйствительно странное промедленіе, такъ какъ обыкновенно, при полученіи высокихъ наградъ, особенно такихъ выдающихся, какъ Георгій 2 ст. и такому выдающемуся человѣку какъ Гурко, орденъ вручается немедленно. Рескриптъ, требуя времени для его составленія и напечатанія, можетъ замедлиться, но и то не такъ много, какъ въ данномъ случаѣ.

Государь и не думалъ мнѣ его давать. А вѣдь рескриптъ долженъ написать онъ ¹⁾ и онъ долженъ поднести его на утверждение. Этотъ человекъ прямо ненавидитъ меня. При прощаньи моемъ съ Государемъ, Онъ задалъ мнѣ такой вопросъ, который заставляетъ меня полагать, что городскія сплетни дошли и до Него ²⁾. Спрашивая куда я теперь ѣду, сказалъ Онъ мнѣ: „Но ты не откажешься отъ назначенія?“ Но это я отвѣтилъ, что „когда жена моя была на смертномъ одрѣ и тогда я сказалъ Вашему Величеству, что если Вы во мнѣ нуждаетесь, то я, по первому слову, вернусь къ дѣйствительной службѣ“. — „Да, это Я помню, но это было въ случаѣ возобновленія войны. Но отъ мирнаго назначенія ты не откажешься?“ На это я отвѣтилъ, что я былъ бы въ отчаяніи, если, въ мои годы, меня сдали бы въ архивъ, и что желая, въ случаѣ новой кампаніи, принять въ ней участіе, мнѣ необходимо, въ мирное время, служить въ войскахъ. Какъ видите, глупыя Петербургскія сплетни, что я не желаю никакого назначенія, дошли и до Государя. Это Х., который ихъ распространяетъ, не желая меня видѣть во главѣ какой-либо части нашей бѣдной арміи, и поэтому я остаюсь при томъ мнѣніи, что моя пѣсенка спѣта ³⁾. Переживая въ моемъ воображеніи тяжелые дни, коимъ наступаетъ уже годъ ⁴⁾, я, съ чистою совѣстью, говорю себѣ: я исполнилъ долгъ свой по мѣрѣ силъ моихъ и моего разумѣнія; исполняя его, я былъ чистъ отъ всякихъ грязныхъ, честолюбивыхъ помысловъ. Не награды и прославленіе себя подвигали меня на это дѣло, а единственно слава Россіи и желаніе доставить ей честный и славный міръ. *Припоминая подробности этихъ страшно тяжелыхъ и по истинѣ славныхъ дней, я вспоминаю сколько въ ихъ счастливомъ исходѣ, Россія Вамъ обязана. Прежде чѣмъ исторія Вамъ воздастъ должное, дозвольте мнѣ, еще разъ и отъ чистаго сердца, благодарить Васъ за Ваше мудрое содѣйствіе* ⁵⁾.

Подпись: „Васъ душевно любящій и душевно уважающій“.

¹⁾ Т. е. Х.

²⁾ Въ городѣ, недоброжелатели І. Вл. распустили слухъ, что онъ будируетъ и не желаетъ служить. П. П.

³⁾ Желалъ бы думать, что тутъ Іос. Влад., введенный кѣмъ-нибудь и чѣмъ-нибудь въ заблужденіе, ошибается. Зная упоминаемаго здѣсь Х., я допускаю съ его стороны: несочувствіе къ ген. Гурко, нерасположеніе, но „распусканіе слуховъ...“ допустить не могу. Для меня тутъ очевидное, несчастное недоразумѣніе, которое при тогдашнемъ удрученномъ состояніи І. Вл. и его воспріимчивости, облеклось, въ его глазахъ, въ крайнюю вражду. П. П.

⁴⁾ Переходъ черезъ Балканы происходилъ 19 декабря.

⁵⁾ Курсивъ мой. П. П.

5) С. Сахарово. 19 декабря 1878 г.—Сейчасъ получилъ я, дорогой Дмитрій Станиславовичъ депешу вашу съ поздравленіями по случаю годовщины Ташкисена. И такъ, вы ничего не знаете о моемъ пребываніи въ Питерѣ, посему начинаю повѣствовать вторично. При пріѣздѣ, Государь принялъ меня, какъ всегда, отлично и въ разговорѣ болѣе всего вспоминалъ о Филипполѣ. На 'другой день, то есть въ самый день праздника, Государь, идя передъ выходомъ здороваться съ войсками, проходя черезъ залъ, гдѣ собрались георгиевскіе кавалеры, и увидѣвъ меня, далъ мнѣ руку и сказалъ: „Поздравляю тебя кавалеромъ Георгія 2 степени“, такъ что при шествіи кавалеровъ я уже шелъ въ парѣ съ Радецкимъ. Военный Министръ шелъ за мною ¹⁾, но меня не поздравилъ. Въ этотъ день былъ у Государя маленькій обѣдъ высшихъ степеней и корпусныхъ командировъ; насъ было, кромѣ членовъ Царской фамиліи, 14 человекъ. Раухъ ²⁾, какъ дежурный, также обѣдалъ. Послѣ тоста за Германскаго Императора и за всѣхъ георгиевскихъ кавалеровъ, Государь, обратясь ко мнѣ (между мною и Имъ сидѣли: Николай Николаевичъ, Наслѣдникъ и Радецкій), сказалъ, поднимая бокаль: „Гурко, за мою старую команду“ ³⁾.

Парадный обѣдъ и тостъ Государя за г. Гурко уже приведенъ нами выше.

„Сегодня (19-го декабря) получилъ отъ Государя депешу, которую передаю дословно: „Сегодня, въ славную годовщину боя подъ Ташкисеномъ, благодарили мы Бога въ Преображенскомъ Соборѣ ⁴⁾ за дарованную намъ побѣду. Всѣхъ участниковъ собираю къ обѣду; сожалѣю, что тебя при этомъ не будетъ. Не могу не повторить тебѣ мое сердечное спасибо за всѣ твои подвиги въ минувшую кампанію. Да сохранитъ тебя Богъ и да пошлетъ Онъ тебѣ утѣшеніе и дома“ ⁵⁾. Александръ.

Могу Вамъ сообщить и свой отвѣтъ.

„Растроганъ до глубины души высокомилостивою памятью моего Государя къ посильнымъ трудамъ моимъ на полѣ брани. Я несказанно счастливъ, что Господь Богъ сподобилъ и меня принести свою лепту на алтарь отечества и тѣмъ заслужить себѣ неоцѣнимое Царское спасибо“.

¹⁾ Младшіе идутъ впереди.

²⁾ Оттонъ Егоровичъ.

³⁾ Т. е. за гвардію.

⁴⁾ Подъ Ташкисеномъ участвовала гвардія, а Преображенскій соборъ именуется соборомъ „всей гвардіи“.

⁵⁾ Указаніе на болѣзнь жены г. Гурко, Марьи Андреевны.

Завтра отправляю я депешу Вельяминову ¹⁾, а послѣ завтра Л.-Гренадерамъ, Псковцамъ и Великолуццамъ.

Какъ прошлый годъ, въ это время, мы были выше настроены! Какъ видите изъ депеши Государя, бой у Ташкисена на первомъ планѣ, а перехода черезъ Балканы какъ будто и не существовало. Какъ издалека иначе судятъ! Что такое бой подъ Ташкисеномъ? Ничто; скорѣе скромное Негашевское дѣло имѣетъ больше значенія. Это ключъ долины, который мы взяли и положили себѣ въ карманъ. Такъ и Филипополя не понимаютъ; не понимаютъ нашего движенія на Самоковъ. Хороши бы мы были, не сдѣлавъ этого движенія ²⁾.

Ну, дай мнѣ Богъ, въ слѣдующую кампанію, надѣлать столько же ошибокъ, сколько мы надѣлали, и прійти къ такимъ же результатамъ;—и за то мнѣ Россія спасибо скажетъ“.

6) Сахарово. 16 января 1879 г.—Такъ какъ I. Вл., не получая отвѣтовъ отъ Нагловскаго, допускалъ возможность потери писемъ, то въ этомъ письмѣ повторено многое изъ того, что уже помѣщено выше, а потому я извлекаю изъ него только нѣкоторыя новыя мѣста, не включенныя въ прежнія письма.

„Въ третій разъ начинаю я мое повѣствованіе о моемъ пребываніи въ Питерѣ въ концѣ ноября (1878 г.) и о томъ, какъ тамъ со мною пошутили съ Георгіемъ второй степени. Говорю я пошутили, отъ того, что до сихъ поръ ³⁾, не говоря уже о рескриптѣ, я ни ордена, и никакого оффиціального увѣдомленія о дѣйствительномъ пожалованіи мнѣ его, ни отъ кого не получалъ, а въ капитулѣ я продолжаю числиться кавалеромъ ордена 3-й степени. Приѣхавъ въ Питеръ 24-го (ноября), на другой (день) былъ я у Государя и Николая Николаевича (Великій князь, бывшій Главнокомандующій Дѣйствующ. арм.). Первый, какъ всегда принялъ меня очень любезно, второй же былъ очень тронутъ тѣмъ, что я ему сказалъ, что я приѣхалъ единственно для него. При этомъ разговорѣ онъ сказалъ мнѣ, что подалъ обо мнѣ докладную записку, въ которой онъ писалъ, что за Филипополь я, по сіе время, ничего не получилъ. При-

¹⁾ Генераль Вельяминовъ командовалъ войсками въ бою у Дольняго Бугарова.

²⁾ Эти мнѣнія компетентнаго судьи, самого вождя, стоявшаго во главѣ всей операціи, во всей ея совокупности, должны, я думаю, послужить полезнымъ указаніемъ будущимъ историкамъ нашихъ зимнихъ операцій на Балканахъ и за ними. II. II.

³⁾ Письмо писано 16 янв., а Георг. праздн. былъ 26 ноября, т. е. прошло почти 2 мѣсяца.

знаться сказать я это въ одно ухо впустилъ, а въ другое выпустилъ“¹⁾).

Далѣе приведены слова государя, поздравившаго I. Вл., передъ началомъ выхода во дворцѣ, съ орденомъ.

„Въ эту минуту я былъ далекъ отъ мысли получить этотъ орденъ. Тутъ у меня сейчасъ явилось маленькое сомнѣніе, какъ мнѣ проходить (въ шествѣи кавалеровъ), съ кавалерами 2 или 3 степени. Всѣ тутъ начали говорить, что разъ какъ меня Государь поздравилъ, то надо идти съ кавалерами второй степени, и я имѣлъ глупость на это согласиться. Тутъ всѣ меня поздравляли, большинство, надо сказать, не искренно. Милютинъ же, передъ которымъ я шелъ въ парѣ съ Радецкимъ, мнѣ не сказалъ ни слова. Тутъ, на выходѣ, получилъ я приглашеніе, на этотъ же день, къ обѣду у Государя. Обѣдали въ этотъ день всѣ Георгіи 2-й ст. и всѣ корпусные командиры, бывшіе на войнѣ, хотя бы и не Георгіевскіе кавалеры. Тутъ я сдѣлалъ другую глупость. Зная, какъ Государь любитъ, чтобы тотчасъ же надѣвали ордена, когда ихъ онъ дастъ, я послалъ къ Арендъ, купить звѣзду и крестъ и нацѣпилъ то и другое“... Далѣе идетъ описаніе двухъ обѣдовъ у государя и милостивыхъ словъ, къ г. Гурко обращенныхъ, о чемъ сказано выше.

„На другой день, т. е. 27 ноября утромъ, былъ я у Государя благодарить его за орденъ. Милютинъ, выходя съ доклада, меня поздравилъ. Тутъ Государь, въ первый разъ вспоминая, что на другой день (28 ноября) годовщина взятія Плевны, сказалъ мнѣ: „Надо сознаться, что тутъ много есть и твоего“²⁾...

...На Рождественскихъ праздникахъ былъ у меня В. А. Бунаковъ³⁾ съ массою наградныхъ списковъ на Георгіи 3 и 4 степени, между прочимъ О. и Р.⁴⁾ Привезъ онъ ихъ мнѣ уже подписанными Наслѣдникомъ⁵⁾. Я былъ поставленъ въ очень глупое поло-

¹⁾ Это выраженіе надо понимать въ томъ смыслѣ, что покойный в. кн. Николай Николаевичъ, послѣ войны, попалъ въ число „забытыхъ“ и голосъ его не имѣлъ вѣса. Хотя въ данномъ случаѣ, напоминаніе вел. князя о заслугахъ г. Гурко можетъ быть и имѣло значеніе, такъ какъ, вслѣдъ за симъ, I. Вл. былъ пожалованъ Георгій 2 ст., о которомъ и идетъ рѣчь въ этихъ письмахъ.

П. П.

²⁾ Очевидно подразумѣваются Горній Дубнякъ, Телишъ и Дольній Дубнякъ, занятіе которыхъ привело къ тѣсному обложенію Плевны, приведшему къ ея паденію.

П. П.

³⁾ Генеральнаго штаба генераль-маіоръ, участникъ обоихъ Забалканскихъ походовъ и скончавшійся занимая должность Нач. Гл. Упр. казачьихъ войскъ.

⁴⁾ Командиръ Л. Гв. Преображенскаго полка и офицеръ того же полка.

⁵⁾ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ, командовавший войсками гвардіи и Петербургскаго военного округа.

женіе. Писать „нѣтъ“, когда Наслѣдникъ моего Государи написалъ „да“, не приходится, писать же „да“ я не хотѣлъ и по этому глупому славянскому добродушію написалъ письмо Шувалову ¹⁾, что я не нахожу препятствій къ тому, чтобы представленія сіи были переданы на разсмотрѣніе въ Думу ордена. Но написавши это письмо, я тотчасъ написалъ другое, самому Великому Князю ²⁾, въ которомъ я ему говорю, что минулъ годъ, какъ генераль Красновъ ³⁾ отбилъ у непріятели 18 орудій и ничего за сіе не получилъ. Представленъ онъ былъ алмазной шашкѣ, но послѣ того какъ старикъ С., за никому неизвѣстный подвигъ, получилъ Георгія 3 ст., то я прошу таковой же и генералу Краснову. Фрезе ⁴⁾ писалъ мнѣ, что В. Кн. соглашается представить его къ Георгію. Теперь хочу писать и о маіорѣ Селянка.

Только для этого надо, чтобы вышли гвардейскіе Георгіевскіе кресты. О бѣдномъ Вульфѣртѣ я опять возобновилъ ходатайство, и Фрезе писалъ мнѣ, что В. Кн. уже подписалъ письмо о немъ Воен. Министру ⁵⁾. Читали-ли вы въ Военномъ Сборникѣ статью о Траянскомъ перевалѣ, подписанную П. К., очевидно самого К. Тамъ онъ дозволилъ себѣ, на стр. 57, перевернуть одну вашу записку. Это перевернутый конецъ записки, писанной не 1-го января за № 172, а 31 декабря вечеромъ за № 147 и не ему—К, а Липинскому. Записка предлинная, тѣмъ не менѣе я вамъ высылаю ея копію. Копію

¹⁾ Графъ Павелъ Андреевичъ, командиръ гвардейскаго корпуса.

²⁾ Николаю Николаевичу, который, какъ бывшій главнокомандующій дѣйств. арміи, составлялъ высшую инстанцію по ходатайствамъ о наградахъ за войну.

³⁾ Никита Васильевичъ, донской казачій генераль, сподвижникъ г. Гурко, выдающійся боевой дѣятель, но, по своей скромности, мало выдвинувшійся и скоро забытый.

⁴⁾ Александръ Александровичъ Фрезе, по окончаніи войны, завѣдывалъ награднымъ отдѣленіемъ главнокомандующаго. Отдѣленіе это попало въ руки Фрезе въ страшно запущенномъ видѣ, что мнѣ пришлось испытать на себѣ, такъ какъ изъ трехъ представленій обо мнѣ, съ ходатайствомъ о производствѣ въ генералы: за штурмъ Ловчи 22 августа, за штурмъ Плевны 30 и 31 авг. и за штурмъ Правецкихъ укрѣпленныхъ позицій 10 и 11 ноября, нашлось въ отдѣленіи только одно, и то на полу, въ грязномъ видѣ, затоптанное ногами. А. А. Фрезе, уже въ чинѣ генерала, послѣ войны, въ Петербургѣ, ликвидировалъ дѣла этого отдѣленія.

⁵⁾ Полковникъ Густавъ Александровичъ Вульфѣртъ. Отличился еще при взятіи Ташкента Черняевымъ, при штурмѣ котораго былъ опасно раненъ въ плечо пикою. Отличался, въ первомъ забалканскомъ походѣ, а 30 августа, подъ Плевной былъ жестоко раненъ у Гривицы, пулей, вошедшей въ спину, а вышедшей спереди горла. Мучился много лѣтъ, доходилъ почти до сумашествія отъ страданій, отъ которыхъ и скончался. Имѣлъ Георгія 4 ст. за штурмъ Ташкента.

со второго приказанія, помянутаго на стр. 65, въ книжечкахъ (записныхъ, полевыхъ) нѣтъ. Посылаю вамъ копіи для того, что можетъ быть вы пожелаете послать въ Военный Сборникъ маленькое заявленіе о томъ, что г. К. совралъ.

На дняхъ минетъ годъ какъ мы съ вами, можно сказать по совѣсти, съ честью вложили мечи наши въ ножницы, но затѣмъ забрался туда такой соръ, что теперь съ трудомъ мы его оттуда, въ другой разъ, вытянемъ, а коли и вытянемъ, то сильно заржавленнымъ, и начнемъ мы тогда опять съ того, что будемъ его выпрямлять и чистить о свои же собственные спины. Вас. Алекс. (Бунаковъ) говорилъ мнѣ, что въ военныхъ сферахъ Петербурга царствуетъ такой застой, такая апатія къ дѣлу, что Фельдманъ (нашъ воен. агентъ въ Вѣнѣ), пріѣхавъ въ Петербургъ, до сей поры не можетъ прійти въ себя отъ нравственнаго и умственнаго застоя, царствующаго въ военныхъ сферахъ Петербурга. Только и разговора о томъ, кто сколько получилъ наградъ. Читали ли вы приказъ по Гвард. Корпусу о составленіи исторіи частей; вотъ будетъ рядъ самовосхваленій... Кому-то поручено и описаніе дѣйствій всего отряда, то есть дѣятельности отряднаго штаба. Интересно знать, кто это будетъ писать; ужь не Феденька ли или Ника, которому также на дняхъ дадутъ крестъ, а какой,—это само собою разумѣется ¹⁾. Жалѣю я только объ одномъ, и искренно жалѣю, что я изъ военной службы сдѣлалъ свое ремесло, и что это мой хлѣбъ насущный и что поэтому не могу ее покинуть. Такъ все это грустно и такъ чувствуешь себя бессильнымъ повести это дѣло такъ, какъ бы слѣдовало его вести для пользы и славы Россіи. Одинъ въ полѣ не воинъ.—Какъ мы скоро позабыли и Зивинъ и всѣ три Плевны; мы помнимъ только 28-е ноября ²⁾, а итогъ того, во что намъ обошелся этотъ день, мы сводить не желаемъ.

Если вѣрить словамъ, сказаннымъ мнѣ передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, я могу ожидать назначенія; дадутъ мнѣ корпусъ и подчинять Минквицу, Черткову (Михаиль Ивановичъ) или Альбединскому—всѣ три боевые генералы ³⁾. Командовавши надъ старшими во время войны, въ мирное время мнѣ даже пріятно будетъ подчиниться младшимъ въ чинѣ.

Еще разъ, передъ годовщиной окончанія кампаніи, отъ всей

¹⁾ Гос. Влад. ошибся.

²⁾ День взятія Плевны 1877 г.

³⁾ Ни одинъ изъ нихъ не былъ на войнѣ, не считая участія нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ молодыхъ чинахъ, въ дѣлахъ съ горцами на Кавказѣ, что было тогда въ модѣ среди блестящей, Петербургской, военной молодежи.

души и отъ искреннаго сердца благодарю васъ за ваше всегда спокойное, въ высшей степени разумное содѣйствіе. Отъ души желаю вамъ въ будущемъ широкаго поля дѣйствій. Гора съ горой не сходятся, а человѣкъ съ человѣкомъ сходятся; такъ и мы съ вами; можетъ быть когда-нибудь и сойдемся. Дай Богъ, чтобы и тогда наша совмѣстная дѣятельность была бы также славна и плодотворна, какъ минувшая и да будетъ и тогда надъ нами та же, видимая во всемъ, помощь Господа Бога Нашею“ 1).

7) „19 декабря 1879 г. 2). Давно-ли, а сколько воды утекло. Я же живу весь въ прошломъ, ибо впереди, для себя по крайней мѣрѣ, ничего не вижу и не желаю видѣть. Еще года нѣтъ, какъ я не у дѣлъ, но я чувствую, что я отсталъ; дѣйствительно, въ это время, мы куда-то ушли, впередъ или въ бокъ—не мнѣ объ этомъ судить. Живу въ полномъ разобщеніи со всѣмъ міромъ и никто не повѣритъ, если я скажу, что настоящее мое желаніе быть забытымъ всѣмъ міромъ, ибо я ни къ какой дѣятельности болѣе не гожусь. Я лишился вѣры въ самого себя. Вотъ, что значитъ сдѣлать въ жизни ошибку, сѣсть не въ свои сани; послѣ этого все кажется, что никакія сани не будутъ по мнѣ. Переживая Балканскую эпопею, я вижу въ ней, съ моей стороны, громадныя ошибки; онѣ-то, и въ моемъ ремеслѣ, отнимаютъ у меня вѣру въ мои военныя способности. Главный мой недостатокъ тотъ, что я не сумѣлъ вселить въ своихъ подчиненныхъ (за рѣдкими исключеніями) довѣрія въ мою счастливую звѣзду, послѣдствіемъ чего было то, что они нехотя исполняли мои приказанія, а частенько и вовсе ихъ не исполняли.

Вотъ отчего они меня такъ и поносятъ.

Живемъ мы тихо, мирно, безмятежно 3). Одна моя забота—та, чтобы въ одинъ прекрасный день не лишили бы меня моего содержанія, сказавъ, что уже довольно я побилъ баклуши.

Какъ вы провели сегодняшній день? Обѣдали ли во дворцѣ? Судя по газетамъ, тамъ должна была быть тьма-тмущая. Будетъ

1) Предположеніе I. Вл. о совмѣстной службѣ съ Нагловскимъ оправдалось. Когда г. Гурко получилъ въ командованіе войска Одесскаго воен. окр., Нагловскій былъ назначенъ туда же нач. штаба округа, а затѣмъ занялъ тотъ же постъ въ Варшавѣ, скоро послѣ того, какъ г. Гурко былъ назначенъ варш. генер.-губ. и команд. войсками. И г. Гурко и г. Нагловскій были очень вѣрующіе, религіозные люди. Пожеланія г. Гурко осуществились и въ другомъ; во время командованія имъ войсками въ Варшавѣ они достигли блестящаго состоянія. Содѣйствовалъ конечно и начальникъ штаба.

2) Годовщина перехода черезъ Балканы.

3) Понятно съ внѣшней только стороны; душевная же буря вылилась въ вышеприведенныхъ строкахъ.

у васъ свободный часокъ времени, черкните словечко. Вы въ числѣ тѣхъ немногихъ, коими я не желаю быть позабытымъ.

Всѣмъ хорошимъ людямъ, меня не поносящимъ,—мой поклонъ“.

Выписка изъ письма отъ 7 декабря 1880 г. изъ С. Сахарова. „Прилагаю при семъ копію съ приказанія Каталею объ энергичномъ наступленіи. Какія мы тогда питали иллюзіи на счетъ дѣйствій кавалеріи; боялись даже, чтобы она, бѣдненькая, зарвавшись, не понесла бы сильный уронъ; а она-то, голубушка, шлепала въ хвостъ пѣхоты. Срамъ“ 1).

Письмо безъ числа, но очевидно весна 1881 г.

„... Можете меня поздравить. Je suis un général à la demi-solde. Военное министерство, при поступленіи моемъ вновь на дѣйствительную службу 2), убавило мнѣ мое содержаніе ровно на половину. Сознаюсь, я этимъ поступкомъ военнаго министра былъ и есмь глубоко возмущенъ. Я полагалъ, что у военнаго министра Россіи рука не поднимется на отнятіе у генерала Гурко половины его содержанія, взятаго имъ, можно сказать, съ боя.

Вчера утромъ я былъ у Ванновскаго 3) и подъ первымъ впечатлѣніемъ, которое всегда бываетъ хорошее и честное, сказалъ ему, что я ухожу и ухожу совершенно. Но семейныя обстоятельства заставили меня, хотя бы и оплеваннаго, остаться на мѣстѣ. Вотъ какой я гаденькій человѣкъ“.

Въ числѣ разныхъ другихъ документовъ, относящихся къ тому времени и у меня сохраняющихся, относится одно письмо генерала Нагловскаго къ г. Гурко, изъ котораго привожу выдержку.

„17 марта 1879 г. Одесса. (Въ Сахарово).

„Моя статья 4) все еще не готова къ печати; причиною такого замедленія то, что я, до сихъ поръ, не получилъ нужныхъ мнѣ документовъ, а тѣ, которые у меня находятся въ настоящее время—недостаточны. Впрочемъ, я очень радъ этому замедленію, потому что теперь, кромѣ нашихъ документовъ, я имѣю въ своемъ распоряженіи процессъ Сулеймана, который чрезвычайно цѣненъ и бросаетъ свѣтъ на многія наши операціи. Прочитавши этотъ процессъ съ большимъ вниманіемъ, я пришелъ въ полный восторгъ. Хотя мнѣ, какъ бывшему Вашему начальнику штаба, и не подобаетъ

1) Подчеркнуто Юс. Владиміровичемъ.

2) Послѣ продолжительнаго отпуска.

3) Г. Ванновскій былъ назначенъ управляющимъ военнымъ министерствомъ весной 1881 г.

4) О первомъ Забалканскомъ походѣ.

пѣть хвалебные гимны нашему походу, но тѣмъ не менѣе, прочитавъ этотъ процессъ, я не могу не сказать, что весь этотъ походъ (первый забалканскій) есть chef d'oeuvre военного искусства. Какіе бы поразительные результаты были бы имъ достигнуты, если бы Плевна пала 18 или 19 іюля, какъ мы рассчитывали въ Казанлыкѣ; а что бы тогда заговорили наши теперешніе враги и клеветники!“

Какъ извѣстно, неудача отряда генерала Шильдеръ-Шульднера у Плевны 8-го іюля (1-я Плевна) повліяла на дѣйствія передового отряда г. Гурко, пріостановивъ наступательныя операціи и заставивъ остановиться съ пѣхотою отряда у Казанлыка, въ ожиданіи событій подъ Плевной, на удачный исходъ которыхъ тогда всѣ рассчитывали. 18-е же іюля, т. е., вторая Плевна явилась полной катастрофой, перевернувшей все.

Посвятивъ эту статью воспоминаніямъ о выдающемся военномъ начальникѣ генералѣ Гурко и его начальникѣ штаба Нагловскомъ, прибавлю о послѣднемъ еще нѣсколько словъ. По свидѣтельству всѣхъ участниковъ зимняго перехода черезъ Балканы и движенія къ Константинополю, въ Западномъ отрядѣ арміи явилось рѣдкое на войнѣ, не внѣшнее только, но и духовное сочетаніе предводителя и его начальника штаба; второй составлялъ дополненіе первому, и я думаю, трудно было бы провести грань, гдѣ кончался одинъ и начинался другой, до такой степени велики были ихъ единомысліе и близость.

Всѣ знавшіе Д. С. Нагловскаго пѣли хоромъ, что онъ былъ непомѣрно лѣнивъ. Дѣйствительно, Нагловскій бывалъ лѣнивъ и даже очень; но эта лѣнность проявлялась не всегда и не ко всему. Лѣнивъ былъ Нагловскій на то, что ему не нравилось; несмотря на лѣнность, онъ блистательно кончилъ курсъ Казанскаго университета по математическому факультету, артиллерійскую академію и академію генеральнаго штаба, обѣ по 1-му разряду. Такимъ образомъ, при работѣ, его интересовавшей, или когда того требовала обстановка (напр. въ 1-мъ и 2-мъ Забалканскихъ походахъ), лѣнь не только исчезала, но онъ, какъ говорится, совсѣмъ зарывался въ работу. У меня сохранилась записная книжка Нагловскаго 1881 года. Приведу изъ нея выдержки, которыя покажутъ, какъ проводилъ время этотъ лѣнивый офицеръ генеральнаго штаба.

1 января. Четвергъ. Цѣлый день сидѣлъ дома. Занимался писаніемъ инструкціи для главнаго комитета по устройству и образо-

ванію войскъ ¹⁾. Были у меня Бендеревъ (Болг. оф.) ²⁾, И. В. Кохановъ и Пузыревскій ³⁾. Съ Пузыревскимъ велъ споръ о переходѣ черезъ Балканы. Онъ согласился, что въ его сочиненіи не слѣдовало бы говорить, что если бы колонна Дандевиля пошла не на Бабу-Гору, а на Златицу, то она избѣжала бы катастрофы. Главная тема спора была все о колоннѣ Дандевиля. Пузыревскій доказывалъ, что было бы лучше, если бы ее направили на Златицу, а я утверждалъ, что лучше на Бабу-Гору. Хотя я его и не убѣдилъ окончательно, но кажется поколебалъ въ его мнѣніи. Около 9 ч. вечера прогулялся 20 мин. Потомъ опять сидѣлъ дома и занимался до 2 ч. по полуночи.

2-е. Пятница. У меня былъ Сахаровъ ⁴⁾; вели споръ тактичeskій: о томъ какъ слѣдуетъ употреблять артиллерію при наступленіи и при оборонѣ. Вечеромъ поѣхалъ къ Штубендорфу, игралъ въ винтъ съ Гавриловымъ, Смагинымъ и Коверскимъ ⁵⁾. Назначилъ во время игры въ винтъ четыре черви и взялъ только 2 взятки, т. е. остался безъ 8. Замѣчательно! Первый разъ вышелъ подобный случай ⁶⁾.

3-е. Суббота. Завтракалъ у Мосолова, а утромъ былъ у Черткова. И тотъ и другой очень хвалили мою брошюру о подчиненіи артиллеріи начальникамъ дивизій ⁷⁾. — Вечеръ провелъ у Тертія Ивановича Филиппова.

4-е. Воскресенье. Утромъ былъ у меня Чичаговъ ⁸⁾, адъютантъ Баранцова ⁹⁾, пріѣзжавшій по порученію Баранцова. Онъ мнѣ привезъ письмо Баранцова, въ которомъ онъ восторженно отзывается о моей брошюрѣ. Затѣмъ возвращаясь отъ Мартюшева ¹⁰⁾, встрѣтилъ

¹⁾ Предсѣдателемъ коего былъ тогда генераль-адъютантъ Григорій Ивановичъ Чертковъ.

²⁾ Мой бывший адъютантъ въ бытность мою Болгарскимъ Военнымъ Министромъ.

³⁾ Александръ Казиміровичъ, послѣ смерти Нагловскаго назначенный начальникомъ штаба Варш. воен. окр.

⁴⁾ Викторъ Викторовичъ, участникъ 1-го Забалканскаго похода. Впоследствии Военный Министръ.

⁵⁾ Штубендорфъ, Гавриловъ и Коверскій генералы генеральнаго штаба, Смагинъ — артиллерійскій.

⁶⁾ Для меня, неумѣющаго играть въ карты, это непонятно; но вѣроятно это „замѣчательно“.

II. II.

⁷⁾ Генераль Мосоловъ, бывший начальникъ штаба 6-го корпуса. Чертковъ, Григорій Ивановичъ, Предсѣдатель главнаго комитета по образованію войскъ.

⁸⁾ Нынѣ епископъ Серафимъ.

⁹⁾ Бывшій тогда товарищемъ генераль-фельдцейхмейстера.

¹⁰⁾ Артиллерійскій генераль, извѣстный своимъ дальномѣромъ.

Костандулаки ¹⁾, который остановился, вышелъ изъ экипажа и расхваливалъ, въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ, мою брошюру. Баранцовъ беретъ 500 экзempl. моей брошюры.

5-е. Понедѣльникъ. Былъ утромъ у Баранцова, чтобы выразить ему благодарность за его письмо. Сегодня опубликована депеша Скобелева о дѣлахъ 28 и 29 декабря. Я не вполне вѣрю, или, лучше сказать, вполне не вѣрю депешѣ и думаю, что потери понесены не во время вылазки текинцевъ, а во время штурма Геокъ-Тепе, который не удался. Вообще думаю, что въ этихъ дѣлахъ мы потерпѣли довольно чувствительную неудачу.

Вечеръ провелъ дома и занимался.

6-е. Вторникъ. Весь вечеръ занимался до 12 ч. ночи.

7-е. Среда. Утромъ былъ въ засѣданіи генерала Черткова; засѣданіе почти что не состоялось за неприбытіемъ многихъ членовъ. Послѣ обѣда занимался, но около 10 ч. пріѣхалъ Клейгельсъ ²⁾ и просидѣлъ до 1¹/₂ по полуночи. Получено свѣдѣніе о новомъ нападеніи текинцевъ на Скобелева и взятіи ими еще одного орудія. Думаю, что Скобелевъ напрасно подошелъ такъ близко къ крѣпости: этимъ онъ парализовалъ дѣйствіе своего огня, въ чемъ главная его сила, и облегчилъ нападеніи текинцевъ въ рукопашную, въ чемъ главная сила текинцевъ.

8-е. Четвергъ. Утромъ занимался. За брошюру получилъ 200 р.

9-е. Пятница. Около 2-хъ ч. пріѣхалъ ко мнѣ Водаръ ³⁾. Онъ только-что пріѣхалъ изъ Варшавы. Онъ очень обрадовалъ меня своимъ пріѣздомъ. Послѣ обѣда былъ у Фрезе ⁴⁾. Онъ сообщилъ мнѣ, что кн. Имеретинскій уходитъ съ должности нач. шт. округа . . . . . ; но все-таки надо знать мотивы его удаленія ⁵⁾.

¹⁾ Очень извѣстный въ свое время, конно-артиллерійскій генераль.

²⁾ Одинъ изъ выдающихся ординарцевъ г. Гурко во время зимняго похода за Балканы. Впослѣдствіи петербургскій градоначальникъ.

³⁾ Александръ Карловичъ, генераль генеральнаго штаба.

⁴⁾ Командовалъ въ то время Л.-Гв. Егерскимъ полкомъ.

⁵⁾ Кн. Имеретинскій наслѣдовалъ должность начальника штаба Петербургскаго округа послѣ гр. Павла Андреевича Шувалова. Когда главнокомандующимъ войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа былъ назначенъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ, то Его Высочество неоднократно выражалъ Военному Министру Гр. Милютину желаніе имѣть начальникомъ штаба генерала Розенбаха, и наконецъ, когда однажды, Великій Князь, довольно настойчиво, сказалъ гр. Милютину: „когда же вы мнѣ дадите Розенбаха“, Военный Министръ пригласилъ къ себѣ Кн. Имеретинскаго и передалъ ему этотъ разговоръ. Князь въ тотъ же день подалъ рапортъ объ отчисленіи отъ должности.

11-е. Воскресенье. Былъ у обѣдни въ Исакиевскомъ соборѣ. Обѣдали у Бореля, гдѣ офицеры генеральнаго штаба давали обѣдъ Пржевальскому. Вечеромъ дома занимался до 5 ч. утра.

12-е. Понедѣльникъ. Утромъ занимался дома. Вечеръ провелъ у М-те Галлеръ. Вернулся въ 12^{1/2} ч. ночи. Занимался до 3 ч. утра.

13-е. Вторникъ. Утромъ занимался частью инструкціею, частью отвѣтомъ на недостойную статью З. — Вечеромъ занимался до 5 ч. утра.

14-е. Среда. Утромъ занимался. Вечеръ провелъ у Мартюшева. Получена телеграмма о взятіи Геокъ-Тепе.

15-е. Четвергъ. Утромъ очень интересная комиссія у Черткова по поводу вопросовъ, касающихся до инструкціи. Былъ выходъ по поводу Геокъ-Тепинской побѣды. Скобелевъ произведенъ въ полные генералы и получилъ Георгія 2-й степени. Въ 7^{1/4} выѣзжаю къ Гурко (въ Сахарово), гдѣ надѣюсь встрѣтить Е. А.

На этомъ мѣстѣ дневникъ обрывается. Нагловскій поѣхалъ въ Сахарово, гдѣ его ожидала Екатерина Александровна Комарова, сдѣлавшаяся, въ это ихъ свиданье, невѣстой Нагловскаго, а потомъ и его женой. Когда Дмитрій Станиславовичъ вернулся въ Петербургъ, то онъ, войдя къ намъ, сказалъ моей женѣ: „поздравьте меня, и я взялъ Геокъ-Тепе. Женюсь“.

Къ чему же привелъ я эти выписки изъ дневника Дмитрія Станиславовича? Что мы, въ этихъ отрывкахъ, видимъ? Утромъ „велъ споръ (стратегическій) съ Пузыревскимъ о направленіи Колонны Дандевиля...“ „Съ Сахаровымъ—тактическій, объ употребленіи артиллеріи...“ „Вечеромъ занимался до — часовъ ночи“. — Этимъ испещренъ весь дневникъ. И это все при невѣроятной, какъ говорили тогда: „провербіальной“—лѣности.

Невольно вспоминаю слѣдующій рассказъ. Во время войны Сѣверо-американскихъ штатовъ съ Южными, сѣверяне, въ началѣ, были постоянно биты южанами, пока во главѣ сѣверной арміи не сталъ генералъ Грантъ, который началъ бить южанъ. Въ это время къ президенту Линкольну явилась депутація квакеровъ и трезвенниковъ съ просьбой смѣнить Гранта, такъ какъ онъ, будто бы, злоупотребляетъ спиртными напитками. Линкольнъ очень любезно

принялъ депутацію, отнесся сочувственно къ ихъ нравственному побужденію и вмѣстѣ съ тѣмъ спросилъ, не могутъ ли указать ему адресъ той фирмы, гдѣ Грантъ покупаетъ свою водку, и пояснилъ удивленнымъ просителямъ, что онъ тотчасъ же закупить большой запасъ этой водки и пошлетъ въ армію всѣмъ генераламъ, чтобы они пили ее какъ Грантъ, но и побѣждали, какъ онъ.—Примѣняя это къ дневнику Нагловскаго — и его „провербiальной“ лѣности, думаю про себя: хорошо было бы, кабы всѣ наши офицеры генеральнаго штаба также лѣнились, но также и „занимались...“, какъ Нагловскій...

П. Паренсовъ.

